

Является ли знание обоснованным высказыванием?

Е.В. ВОСТРИКОВА

Можно, на мой взгляд, согласиться с утверждением Александра Леонидовича о том, что подход, предполагающий анализ психического состояния какого-нибудь Сидорова, когда тот знает, что снег бел, и анализ, например, того, повышается или понижается при этом у Сидорова кровяное давление, совершенно не дает ничего для понимания природы знания. Тем не менее, описанный подход не имеет ничего общего с определением знания, предложенным в рамках лингвистической философией, и в частности, в подходе Э. Геттиера.

В этом кратком отзыве я постараюсь: 1) сопоставить анализ понятия знания, предложенный Никифоровым, с анализом, который он подвергает критике, и показать, что отличия между ними являются несущественными; 2) продемонстрировать, что идея о том, что знания находятся не в головах, а в некотором третьем мире, ничего не дает нам для понимания знания и, более того, упускает важный признак знания; 3) выступить в защиту примеров Геттиера, которые, хотя и выглядят несколько комичными, вскрывают подлинную проблему, стоящую за определением знания, в том числе и тем определением, которое предлагает Никифоров.

Итак, во-первых, по всей видимости, Александр Леонидович соглашается с тем, что определение знания должно с необходимостью содержать элемент обоснования. В основном критика его сосредоточена на тезисах о том, что знание должно включать элемент истинности и элемент убежденности. К сожалению, Александр Леонидович выражается не совсем ясно и последовательно в своей статье относительно этого вопроса. Так, подвергнув суро-

* Подготовлено при поддержке гранта РГНФ № 09-03-00624а.

вому осуждению Геттиера за включение идеи истины (на том основании, что если субъекту известна истинность тезиса, то остальные критерии знания избыточны, а если нет, то речь не может идти о том, что человек нечто знает) в определение знания в начале статьи, в конце он говорит, что истинность – необходимое условие для знания.

В любом случае представляется, что концепция, согласно которой истинность является избыточным элементом для определения знания, сталкивается с серьезными сложностями. Утверждая, что знание может быть ложным, мы противоречим некоторой интуитивной идее «знания». Я не соглашусь с Александром Леонидовичем, что в данном случае мы опираемся на аргумент от обычного языка, речь вовсе не идет о том, что здесь не учитывается употребление слова «знание» некой Востриковой. Рассматривая научное знание, мы не будем утверждать, что представление о плоской земле, стоящей на слонах, является знанием, наряду с современными представлениями о строении Вселенной. Признать равную ценность этих двух концепций для науки, означает отказаться от идеи прогресса в науке, занять релятивистскую позицию. Идея истины необходима для определения знания, поскольку существуют просто хорошо обоснованные и кажущиеся истинными, но, тем не менее, ложные высказывания, и установив их ложность, мы не продолжаем считать их знанием.

Таким образом, остается заключить, что расхождение между определением, называемым Геттиером «традиционным», и определением, предлагаемым Никифоровым, сводится к тому, что Геттиер говорит об убеждении, а Александр Леонидович предпочитает говорить о высказывании. На мой взгляд, даже если это замечание вносит важное уточнение, оно не меняет принципиально смысла определения. Например, в каждом из аргументов Геттиера мы могли бы заменить «имеет убеждение» на «формулирует высказывание», не изменив при этом сути аргумента.

Геттиер вовсе не говорит о каких-то личных переживаниях, о покраснении лица, как это пытается представить Никифоров. Речь идет о том, что необходимым условием знания является убежденность человека в истинности некоторого суждения, того, что в аналитической традиции называется «proposition», в терминах которой, начиная с Фреге и Рассела, анализируется содержание убеждений. Мне представляется, что Александр Леонидович не прав, когда утверждает, что в лингвистической философии не различаются пропозиция и ментальная установка. Напротив, под пропозицией традиционно понимается некоторое универсальное содержание, выражаемое предложением (часто в аналитической философии даже определяемое в терминах предложения), в отношении которого разные люди могут иметь разные ментальные установки.

На мой взгляд, нельзя согласиться с Никифоровым в том, что второе условие знания, а именно, что «S is justified in believing that P» («S имеет основания для убеждения в том, что P»), является субъективным. Обоснование понимается в этом определении во вполне классическом смысле – речь идет об эмпирическом или логическом обосновании, т.е. о том же, о чем говорит сам Никифоров.

Во-вторых, предположим, что знание не имеет никакого отношения к тому, что известно людям на определенный период времени, что знание существует в некотором третьем мире. Получается, что знанием должны считаться все истинные предложения, независимо от того, формулирует их кто-то или нет? Абсурдность этой позиции очевидна – получается, что существует знание, которое никому не известно. Мы можем, конечно, поменять значенные терминов, и назвать ту совокупность истинных, обоснованных тезисов, известных науке в настоящий момент, «знанием», а знанием называть все истинные предложения, но разве это что-то дает нам для понимания того, чем занимается наука?

В-третьих, я не могу согласиться с предложенной Никифоровым критикой примеров Геттиера. Что касается первого примера, то, на мой взгляд, здесь совершается вполне корректная подстановка определенной дескрипции «человек, у которого в кармане 10 монет» вместо имени «Джон» в предложении «Джон получит работу». Здесь совершенно не требуется перехода к общему суждению «Каждый, у кого в кармане 10 монет, получит работу». Предложение, получившееся в результате такой подстановки, можно проанализировать в расселовском духе следующим образом: «Существует, по крайней мере, один (и только один) человек, который получит эту работу, и кто бы ее не получил, имеет в кармане 10 монет».

При анализе этого примера Никифоров опирается на тезис о том, что знание будущих событий невозможно, поскольку высказывания о будущем не являются ни истинными, ни ложными. Как мне представляется, мы наблюдаем здесь явное противоречие с остальными тезисами Александра Леонидовича. Здесь получается, что истинность или ложность предложения зависят от того, знаем ли мы это предложение, т.е. от наблюдателя. Но ведь кто-то лично может не знать какие-то предложения о прошлом, это не лишает их истинностного значения.

Мы могли бы заменить слова, которые ориентируют нас относительно прошлого и будущего, точными датами. Представим себе, Наполеон говорит: «в 1991 году в Крыму будет собрано 987129837 виноградин». Предположим позже также, что кто-то сосчитал эти виноградины. И Наполеон ошибся. И что же получается, что предложение, произнесенное Наполеоном, не является ложным?

Возможный ответ на это возражение состоял бы в том, что глагол в одном случае будет стоять в прошлом времени, а в другом в будущем. Я не думаю, что это хорошее возражение. Ведь Александр Леонидович утверждает также, что мы должны отвлечься от слов и сосредоточиться на содержании. В этом же случае истинность или ложность предложения будет определяться такой случайной и приводящей грамматической чертой, как время, в котором стоит глагол.

Кроме того, некоторые утверждения о будущем гораздо более обоснованы, чем некоторые высказывания о прошлом, и было бы несправедливо отказывать им в истинностном значении только на том основании, что мы еще это не пережили, не установили опытным путем.

Более того, если все высказывания о будущем имеют неопределенный статус, то это будет иметь существенные последствия и для науки. Так, ученый для проверки теории должен выдвинуть некоторые предсказания, и они должны действительно претендовать на статус истинных или ложных. Ведь если предложение не является истинным или ложным, то сообщает ли оно нечто вообще? Предложения о будущем в таком случае должны терять свою познавательную ценность. С моей точки зрения, здесь происходит несправедливое смешение истинности и обоснованности.

Тем не менее, мне хотелось бы выразить согласие с основным, как представляется, тезисом Александра Леонидовича о том, что для преодоления критики Геттиера следует пересматривать не классические характеристики знания, такие как истинность и обоснованность (как это часто происходит, в том числе и в современной лингвистической философии), а характеристику «быть убеждением» (высказыванием).

Все аргументы Геттиера основываются на том, что в качестве знания рассматривается одно отдельно взятое предложение (убеждение), оторванное от контекста своего обоснования, например, на статус знания претендует предложение «Существует только один человек, который получит эту работу, и у него в кармане 10 монет», а это вовсе не то, во что верит Смит. Также как обоснованию подлежит не одно отдельно взятое предложение, а некоторая совокупность предложений, знание не представляет собой какого-то одного предложения, а совокупность предложений, описывающую то, что нам известно о некотором факте или явлении. Рассматривая примеры Геттиера в этом свете, можно утверждать, что ни в первом, ни во втором случае Смит не обладал знанием.